

## РИТМ И ИНЕРЦИЯ В СТРУКТУРЕ ЗАГОВОРНОГО ТЕКСТА

*Любое слово или предложение, попав в построенное на последовательном параллелизме поэтическое произведение, сразу же вовлекается под давлением этой системы в плотную шеренгу связанных друг с другом грамматических форм и компонентов смысла.*

[Якобсон 1966/1987: 127]

Бросающаяся в глаза особенность заговоров — жесткая структура, организующая как содержание, так и форму текста, сближающая их с поэтическими (стихотворными) произведениями, музыкальными формами и с орнаментом. Главным принципом организации заговорного текста является **ритм**, т. е. упорядоченное чередование и повторение элементов всех уровней — звуковых единиц (аллитерации, рифма, метр), грамматических форм, словообразовательных моделей, лексических единиц (слов, корневых морфем, словосочетаний), синтаксических структур, семантических единиц (синонимия), более крупных блоков текста. Такая структура поэтического текста, известная в фольклоре и древней литературе разных народов мира и в европейской словесности уходящая корнями в библейскую поэтическую традицию, получила название грамматического параллелизма [Якобсон 1966/1987]. В отличие от песенных и эпических жанров фольклора, по отношению к которым до сих пор исследовалась поэтика грамматического параллелизма, в заговорах ритмическая организация — не столько эстетический, сколько pragматически обусловленный прием, это необходимый инструмент всякого «суггестивного» текста, обеспечивающий магическую силу заговора и действующий вместе с другими приемами, непосредственно связанными с применяемой в заговорах стратегией и тактикой воздействия на положение вещей в мире.

Ритм заговорного текста поддерживается благодаря формульной структуре заговора, применению клишированных конструкций и поэтических фигур. К зданим относятся прежде всего речевые акты заговоров — обращения: «Заря-зарница, красна девица, возьми...» [P33: 105]<sup>1</sup>; «Раб Божий Иван, не бойся...» [там же: 249]; «Власий, Медосий, свет многомилостивой!» [там же: 1037]; приветствия: «Здравствуй, доброе утро! Лечу я (имя) выговариваю...» [P33: 1951]; просьбы, мольбы: «Матушка Пресвятая Богородица! Сама слети, нет — да посыльников пошли» [там же: 360]; «Пресвятая Мать Богородица, уими рев и

переполох...» [там же: 251]; «Заря-матушка вечерняя, дай младенцу сну и угомону» [там же: 99]; «Пантелеимон-исцелитель, исцели, Господи, рабу Божию (имя) от испугу, от уроков. Дай, Господи, доброго здоровья, великого счастья» [там же: 360] или требования, приказы, запреты: «Распроклята полуночница, через глаза не сходи, лицо бело не чепай, очи ясны не мути, не галья болезнь, не тронь раба Божья...» [там же: 492]; угрозы (устрашения): «Ах задернут тебя калеными прутьями, сожгут огнем-полынем и черной смолой зальют» [В3: 369]; «Я вас прошу, змея Екатерина и змей Галич, выньте свой яд из крещеного тела рабы Пелагеи. Если же вы не поможете, свой яд не вынете, буду жаловаться ангелу-архангелу небесному, грозному, который будет ехать с восточной стороны на вороном коне, с точеными ножами, с калеными пилами, с огненным помелом. Он вас побьет, он вас покажет, пепел ваш в океан-море снесет, повыведет ваш весь род и племя, чтоб вас ни одного гада-змея не было на белом свете» [P33: 1764]; «Прошу я самого Бога, Илью Пророка: громом прибьет, молоњем тебя сорвет, род твой выметет и метелочкой заметет» [там же: 1956]; проклятия: «Проклятая своя (падучая) и окаянная своя, и не тронула бы тебя, и не шевелила бы тебя ни в день, ни в ночь» [там же: 494]; заявления-перформативы: «Секу-высекаю, гоню-выгоняю прикости, уроки...» [там же: 259]; ритуальные диалоги: «Чего секёшь? — А утин секу. — А секи его ладом, чтобы не было веком» [P33: 1498] и т. д.

Этими речевыми актами оформляются применяемые в заговорах разные тактики воздействия на источник опасности — отгоны: «Поди прочь от раба Божия, младенца (имя), рык денной, вопь ночной, в трубу — дымом, во дверь — рымком» [P33: 96]; «Чирей Василий, иди с того места, тут тебе не место, не местище...» [там же: 1897]; унижение, самоунижение: «Дума моя, дума, дума моя злая, кровь моя дурная. Пойди, моя думушка, в дремучий лес, в пень-колоду, в белую березу, в вязкое болото, там тебе место» [там же: 272]; умилостивление: «Заря-зарничка, родимая сестричка, у тебя семь сыновей, семь дочерей. Возьми с нас восьмой — крик с раба Божьего (имя)» [там же: 130]; «Пресвятая полуночница, не имай моего дитя» [P33: 144]; задабривание: «Вот тебе хлеб-соль, да нас не тронь» [там же: 2421]; «Подите, прикости, а чисто поле, в сине море (...) Там мед да сахар, а здесь деготь да смола» [там же: 353]; «Вода-водица, морская царица, тебе, вода, похвала» [там же: 1990]; приглашение: «Пресвятая Богородица, сойди с небеса, пособи снять полуночницу» [P33: 148]; отсылка к прецедентному событию: «Шел бык по нитке. Нитка оборвалась, у рабы Божьей (имя) кровь унёлась» [там же: 1553]; «Как сучок высох, так и твоя боль высохнет» [P33: 1854]; «самоотречение»: «Не я тебя выкликаю, мать выкликает, Пресвятая Богородица» [там же: 1959]; «Не я лечу — Николай Угодник и все святые лечут» [там же: 1774].

В общую ритмическую структуру вовлекаются также характерные для заговоров pragmatically motivated логические фигуры, такие как формула перечисления (индуктивные, ситуативные и др. перечни; см. о них ни-

<sup>1</sup> Здесь и далее цифры при сокращении источника обозначают номера текстов, номера страниц помечены буквой с.

же), отрицания: «Востану я... и пойду из избы не во двери, со двора не в вороты и пойду не в восток, не в восточную сторону. Не в востоке, не в восточной стороне есть Окиан-море...» [ВЗ: 25]; «у маления», сведения на нет: серб. «Да си мања од маково зрно!» (Чтоб ты стала меньше макового зернышка) [Раденковић 1982: 264]; «убывания», сведения на нет: серб. «У тебе је девет кожа: нека буде од девет — осам, од осам — седам, од седам — шест... а од једне, пак, ни једна! (У тебя девять кож: пусть будет из девяти восемь, из восьми семь, из семи шесть... а из одной ни одной!)» [там же: 265]; сравнения: «Как порог молчит, так бы и мой младенец молчал» [РЗЗ: 201]; алогизма, парадокса: «Прилетел без крыльев, сел без места, укусил без зубов» [РЗЗ: 1893]; формулы невозможного: серб. «По мору песак бројале, по небу звезде, по гори лист (...) по овцу вуну, по ливади траву, по глави косу, по кокошкам пера» (В море песок считали, на небе — звезды, в лесу — листву... на овце — шерсть, на лугу — траву, на голове — волосы, на курице — перья) [Раденковић 1982: 55]; абсолютных: «Ни бело, ни черно, ни сухо, ни мокро» и др.

В текстах заговоров нет почти ничего, что выпадало бы из этой многоуровневой ритмической структуры и не охватывалось энергией этих ритмов (им подчиняются даже повествовательные блоки заговоров). При этом разные ритмы (звуковой, грамматический, синтаксический и т. д.) обычно действуют совместно, накладываясь друг на друга, обеспечивая разнонаправленную связность текста и усиливая заклинательный эффект заговора.

Возьмем для примера типичный заговор «на здоровье скотины», записанный в 1969 г. в деревне Мошканово Верхнетоемского р-на Архангельской обл. [РЗЗ: 1225]. Приведем его для удобства анализа с разбиением на условные строки и блоки.

1. Встану, благословясь,
2. пойду, перекрестясь,
  
3. утренним облаком обволокусь,
4. утренними звездами подтычуясь,
5. вечерними звездами подтычуясь,
6. утренней зарей подпояшуясь,
7. вечерной зарей подпояшуясь.
  
8. Так никому облака не разволокчи,
9. зари не перекусить,
10. с неба звезд не снять —
  
11. ни девке простоволосой,
12. ни молодке-красноголовке,

Нетрудно заметить, что каждая строка этого текста связана с предыдущей и/или последующей каким-нибудь общим структурным или семантическим эле-

13. ни мужику-отравнику,
14. ни малому, ни старому,
15. ни седатому, ни плехатому,
16. ни утлому, ни богорадному,
17. ни слепому, ни хромому,
18. ни рыжему, ни белому, ни русому

19. На пар божью скотинку
20. кто лихо подумает,
21. зло замыслит,
22. тому шипицы в глаза,
23. смола на язык,
24. дресва на зубы,
25. стрела в уши.

Аминь.

ментом. Это может быть повторяющееся слово, синтаксическая фигура, рифма и т. д., а чаще всего сразу несколько общих элементов разного уровня. Горизонтальными линиями разделены блоки текста, образующие в ритмическом отношении некое единство. Первые два блока (строки 1–2 и 3–7), представляющие собой развернутую перформативную формулу (заявление-действие, направленными 1 ед. буд.: *встану – пойду – обволокусь – подтычуясь – подтычуясь – подпояшуясь*). Каждый из блоков имеет далее свои «связки», в частности парифму: *-весь/-тесь, -кусь/-чусь/-шусь* и грамматический и метрический параллелизм: в первом блоке это двусложные глагольные формы 1 ед. буд. (*встану – въяться – перекрестясь*); во втором — трехчленные конструкции, в которых глаголу предшествует именная группа из существительного и прилагательного в форме твор. п. в препозиции; во втором блоке (3–7), кроме того, в разных строках повторяются слова *утренним(i)* (3–4–6), *вечерним(i)* (5–7), *подтычуясь* (4–5), *подпояшуясь* (6–7), *звездами* (4–5), *зарей* (6–7). Заметим еще, что строки 4–7 образуют сложный «узор» (aAbAaBbB) за счет одновременного лексического параллелизма (в сочетании с грамматическим и метрическим) смежных и несмежных строк: 4–5: *звездами подтычуясь* (A) и 6–7: *зарей подпояшуясь* (B); 4–6: *утренним(i)/утренней* (a) и 5–7: *вечерним(i)/вечерной* (b). Наконец, скрепляющую функцию имеют и «вертикальные» ряды *утренний – вечерний, облако – звезды – заря, обволокусь – обтычуясь – подпояшуясь*, которые образуют «ситуативные» семантические фигуры с общим «гиперонимом» (концептом): соответственно *«ситуативных»* («ситуативных») перечнях см. ниже).

Третий блок (8–10) связан с предыдущим общей идеей нерушимости возведенной преграды, а на структурном уровне — повторением «ситуативного» ряда *облако – заря – звезды*. С последующим блоком он также связан и содержательно, и формально, поскольку строки 11–18 представляют собой развернутую конкретизацию элемента *никому*, принадлежащего третьему блоку (строка 8). Внутреннюю связь между строками третьего блока обеспечивает параллелизм заключительных отрицательных конструкций, состоящих из инфинитивов (*не разволокчи – не перекусить – не снять*) и прямых объектов в род. п. (*облака, зари, звезд*).

Четвертый блок (11–18) в синтаксическом отношении несамостоятелен, он зависит от предыдущего и представляет собой перечень субъектов действий, обозначенных глаголами (инфinitивами) предыдущего блока: сначала идут имена лиц, выделенных по половозрастному признаку, с определениями-эпитетами в постпозиции: «ни девке простоволосой, ни молодке-красноголовке, ни мужику-отравнику», а затем ряд субстантивированных прилагательных, сгруппированных в семантически соотносительные (синонимические, антонимические или однородные, соподчиненные одному гиперониму) пары: «ни малому, ни старому, ни седатому, ни плехатому, ни слепому, ни хромому» и т. д. Последние формально могут трактоваться и как обычные постпозитивные определения к парному существительному *мужику-отравнику*, однако в пользу первой

трактовки говорит то обстоятельство, что обычная функция подобных перечней — «исчерпывающее» исчисление всех видов персонажей, от которых может исходить опасность (само называние должно их магически обезвредить); в данном случае полноту исчисления гарантирует повторение отрицания *ни... ни*, а также использование абсолютивных антитетических конструкций типа «ни малому, ни старому; ни слепому, ни хромому», которые по существу означают «всякий, каким бы он ни был». Подобные перечни источников опасности или, наоборот, охраняемых лиц и объектов входят в арсенал магических средств заговорных текстов ([Толстая 1999б: 158–159]; см. об этом ниже); то же можно сказать о магических функциях отрицания [Толстая 1996б].

Последний блок (19–25), представляющий собой традиционную формулу угрозы, концентрирует в себе pragматическое содержание заговора: именно здесь впервые называется охраняемый объект (*бо́жья скотинка*) и определяется источник опасности (*кто лихо подумает, зло замыслит*), для нейтрализации которого и используется заговор, а также объявляется тактика расправы с ним. При этом в обеих частях формулы угрозы соблюдается грамматический параллелизм: в 20–21 это синонимичные глагольные формы *подумает, замыслит* с пропозицией обстоятельства или прямого объекта (в зависимости от того, как морфологически понимать *лихо* и *зло* — как наречия или как существительные), в 22–25 это двучленные субстантивные словосочетания, первый член которых называет средство поражения: *шишица* ‘колючий шиповник’, *смола, дресва* ‘крупный песок, гравий’, *стрела*, а второй — орган, часть тела, на которые будет распространяться его действие: *глаза, язык, зубы, уши*.

Еще один характерный прием, обеспечивающий связность текста, — цепочечное развертывание текста: каждое следующее высказывание повторяет один из компонентов (часто последний) предыдущего, не прибегая к анафорическим местоимениям или другим средствам синтаксической связи, ср. начальный фрагмент заговора «на ведение скотины» (д. Кузнециха Сеньковская Красноборского р-на Архангельской обл., запись 1967 г.) [РЗЗ: 1005]:

1. Стану я, благословясь,
2. пойду, перекрестясь,
3. из избы в избу,
4. из ворот в ворота,
5. в чистое поле.
6. В чистом поле есть синее море,
7. в синем море есть остров,
8. на острове стоит святая церковь,
9. во святой церкви есть престол,
10. на престоле сидит Богородица
11. и держит злато блюдо в коленях,
12. а в том злате блюде сто девять замков
13. и сто девять ключей.

Синтаксис прозаического нарратива позволяет здесь обойтись без повторений, например: «...Пойду... в чистое поле. Там есть синее море, на нем остров, где стоит святая церковь, в ней престол, на котором сидит Богородица и держит злато блюдо в коленях, в нем сто девять замков...». Помимо цепевидной конструкции, скрепляющей весь фрагмент текста, здесь, как и в предыдущем примере, поэтическая структура текста включает грамматический и метрический параллелизм. Строки 1–2 состоят из одинаковых сочетаний личной формы глагола и деепричастия, которые оба четырехсложны, конечноударны и связаны рифмой, а первая строка, будучи началом всего текста, как это часто бывает, дополнительно маркирована местоимением *я* и лишним слогом. Строки 3–4 представляют собой тавтологические (*изба – изба, ворота – ворота*) конструкции с одинаковыми предлогами (*из – в, из – в*) и метрически параллельные (ударение на третьем и пятом слогах). Стока 5, семантически и синтаксически завершающая начальный блок текста и одновременно начинающая следующий, отмечена иной метрикой (ударные слоги — первый и четвертый) и иной структурой: атрибутивная конструкция с препозицией определения (*чистое поле*) будет далее повторяться во всех строках (*чистое поле – синее море – святая церковь – злато блюдо*); она перебивается дважды: *остров* в 7-й и 8-й строках и *престол* в 9-й и 10-й строках оставлены без определения, что также создает своего рода рисунок, образуемый чередующимися прилагательными и существительными: AS–AS–AS–S–S–AS–AS–S–S–AS–S–S, где A — атрибутив, S — субстантив. Строки 6–9 представляют одну и ту же конструкцию: *на/в X есть/стоит Y*; в ритмическом отношенииозвучны строки 6 и 7 (ударные слоги — первый, третий, шестой) и в меньшей степени 9 и 10 (ударные слоги — третий и девятый, промежуточные ударения не совпадают), остальные строки (8, 11, 12, 13) не обнаруживают параллелизма. В целом, однако, ритмическую структуру всего фрагмента текста (с учетом условности разбиения на строки и не всегда надежных словесных акцентов) нельзя признать совершенно свободной, ср. место ударных слогов (выделены знаком «»); см. таблицу 1.

Наиболее «ударными» (акцентными доминантами) в этом отрывке оказываются слоги 3 (в 9 строках), 6 (в 8 строках), 1 и 5 (в 5 строках). Число слогов в условной строке не подчиняется какой-либо закономерности; более упорядоченным выглядит показатель числа ударений в строке, он в некоторой степени соответствует членению текста на блоки.

Рассмотрим метрическую схему первого текста [РЗЗ: 1225] (см. таблицу 2). В этом тексте о равносложности строк можно говорить только применительно к отдельным двустишиям или небольшим блокам, скрепленным изнутри отношением параллелизма (ср. 1–2, 3–5, 6–7, 15–16), зато число ударений в строке снова оказывается показателем более значимым, в какой-то мере соотносительным с содержательной стороной текста. Это значит, что в отношении метрической структуры данный заговорный текст манифестирует модель акцентного (лингвистического) стиха.